

Денис Ядров

Связь с автором: sdepdenis@mail.ru

8-924-62-23-825 и 8-985-15-78-804

НЕБО В КРАПИНКУ

Действующие лица:

Артур – 33 года, крепкий парень, спортсмен.

Женя – 32 года, худощавый филолог.

Вероника – 30 лет, маленькая, стройная.

Комната обычной квартиры. Большая. В ней помещается стол со стационарным телефоном, шкаф, окно, зеркало на стене, диван, два стула, ковёр на полу. Зеркало закрыто тёмной тканью. За окном дует ветер, идёт снег, ночь наливается темнотой.

В прихожей слышно, как кто-то вошёл и с грохотом снимает обувь, роняет вешалку на пол, сквернословит.

Голос Артура. Задолбал этот снег. Мороз пофигу, а вот снег – это атас. Всю игру вечно испоганит.

Голос Жени. Ой, Артур, я так напился. Я бы лучше в гостинице...

Голос Артура. Не дрейфь. Гостиница – тоже мне. Я тебя десять лет не видел, а ты – гостиница. И если бы не Вероника, я бы тебя до самой пенсии не увидел. А там бы уже по фиг было.

Артур буквально вваливается в комнату, запинаясь, падает. Вслед за ним таким же макаром заходит Женя. Он валится сверху на Артура.

Женя. Извини. Тут у тебя что-то под ногами.

Артур. Это коньки, блин.

Артур освобождается из объятий Жени, поднимается сам, помогает подняться другу.

Артур. Я говорил ей: «Убери коньки. Найди им место какое-нибудь». А она: « Ты потом ругаться будешь, найти их не сможешь». Так и валяются вечно под ногами.

Женя. Играешь до сих пор?

Артур. Обижаешь. Я капитан команды. Мы всех рвём. Все эти... команды на фиг.

Женя. Молодец.

Артур. А то. Мы бешеные кони. У меня такая клюшка сейчас крутая. Я тебе покажу – обзавидуешься. Всю зарплату на неё угрохал.

Женя. Вам платят?

Артур. А то.

Женя. За игры отдельно? Или только за тренировку?

Артур. По разному. Переводят премию, в общем. Нормально. Не жалуясь. А у тебя как? Стал начальником?

Женя. Да нет. Журналистом работаю. На ТВ сейчас. До этого в газете статьи писал. Сейчас вот на телевидение перебрался. Кредит на квартиру взял.

Артур. Много платить?

Женя. Полжизни. Я умру – квартира внукам достанется.

Артур. Женился?

Женя. Развелся уже.

Артур. Чего так?

Женя. Не люблю её. Вернее, другую люблю. И всегда любил.

Артур. А она?

Женя. Не знаю. Мы как развелись, я с ней больше не встречался.

Артур. Нет. Не эта. Другая.

Женя. Она не знает.

Артур. Сказал бы ей.

Женя. Да она замужем.

Артур. Муж не стенка – подвинуть можно.

Женя. Уже нельзя.

Артур. Никогда не поздно.

Женя. Бывает поздно.

Артур. А я бы подвинул. Ради своего счастья.

Женя. Не сомневаюсь.

Артур. Ну ты филолог, блин. Женя, надо подвижной быть. Жизнь – она такая, она не прощает ошибок.

Женя. Да я понял уже.

Артур. Я тоже много о чём жалею. Столько всего неправильного. Не в те ворота. Ну ты понимаешь. Давно развёлся?

Женя. Четыре года.

Артур. А женился?

Женя. Шесть лет назад.

Артур. Это что получается? Ты меня на год младше. В двадцать шесть, получается. И я в двадцать шесть на Нике женился. Но мы нормально. Семь лет душа в душу.

Женя. Завидую.

Артур. Теперь завидовать только и осталось.

Женя. Я бы тоже хотел жениться на любимой.

Артур. Вся жизнь впереди.

Женя. А мне кажется – нет.

Артур. Кажется – крестись. Крещённый?

Женя. Нет.

Артур. Ну вот. Я ничего о тебе не знаю. Лучший друг называется. Как упилил в свой мегаполис, так ни слуху ни духу. И ведь ни разу не приехал. Хоть бы звонил, что ли?

Женя. Зачем?

Артур. Чтобы знали друзья, где ты. В гости бы, может, к тебе припёрлись. В столицу мира. На телевидение бы меня сводил, со звёздами познакомил.

Женя. Ты сам звезда. В чемпионатах играете. По России ездите. На мир, наверно, уже.

Артур. Не, на мир не ездили. И вообще так. Туда – сюда. В России в основном. Прямо в реальной России. Я у матушки твоей адрес спрашивал. Она сказала, что не знает. Врёт же наверняка. Да?

Женя. Нет, не врёт. Я по съёмным квартирам кочевал. То одна, то другая. И телефоны менял всё время.

Артур. Я так и подумал. Я у неё телефон взял, звоню. А ты вечно то недоступен, то не в сети, то трубку не берёшь.

Женя. Я и говорю.

Артур. Водки давай ещё.

Женя. Нет, мне хватит. Я не пью обычно. Это сейчас просто.

Артур. Да понятно. Повод такой. Я чуть не заплакал, честное слово. А ты плакал. Я видел. Сколько вы лет дружили?

Женя. С самого детства почти.

Артур. А я-то меньше её знал. Ты же перед отъездом меня с ней познакомил.

Женя. Ну да.

Артур. Филолог. Помнишь, нас дразнили: «Филфак? Нет – это физфак. Физфак? Нет – это филфак». Два друга – один филолог. Второй – физрук. Смеялись все.

Женя. Ты в школе пробовал преподавать?

Артур. Нет. Какой там? Копейки платят. Я бы с радостью, но за копейки работать – только горб растить. А так бы с удовольствием детишек учил. Но за подачки – на фиг. Я и Веронике всё время говорю: «Давай детей заведём». А она... Да у неё малокровие. В общем, больная.

Женя. Малокровие беззащитной женщину делает. Во времена Пушкина чем бледней девушка была, тем красивее считалась. За ней ухаживать хочется.

Артур. Точно. Хочется мужиком быть. Гориллой с бицепсами. (Артур напрягает бицепс на правой руке.) Я горилла, ва-ха-ха. Не до смеха сейчас, конечно.

Женя. Может, спать ляжем? Я бы тут на диване.

Артур. Какой спать? Десять лет тебя не видел. А завтра ты опять на самолёт прыгнешь и улетишь. Ты хоть мамку навестил?

Женя. Нет. Я с самолёта – на такси и сразу к вам. Впритык успел.

Артур. Успел – главное. А я вот не успел.

Женя. В смысле?

Артур. Профукал всё. Одна ошибка, и вся жизнь наперекосяк. Как у отца моего. Тот вообще – оступился, и всю жизнь на инвалидке. Почётный сторож и охранник. А такое будущее у него было. И мне тоже он будущего хотел. Всё для меня. Каждую копейку собирал. А я всё испоганил. Тогда отказался бы на реке играть, и было бы всё тип-топ.

Женя. Так у тебя итак тип-топ. Ты же капитан, катаешься везде.

Артур. Ну катаемся, ну капитан. Но хотелось большего.

Женя. Президентом стать?

Артур. А хоть и президентом. Клюшка эта тогда. Я бы в клюшку не вцепился, выбрался бы на лёд, и нормально всё было бы.

Женя. Ну я же спас тебя.

Артур. Вот именно, что спас. А лучше было мне утонуть тогда.

Женя. Ты просто расстроен.

Артур. Не то слово. А клюшку я не бросил только потому, что отец мне её подарил. Он несколько зарплат за неё отдал. Мы жрали всякую дрянь, зато клюшка была ну просто офигенной. И когда я под лёд пошёл, я подумал, что или я с ней тону или выбираюсь, но с ней. Ну и вот ты спас меня... Может, всё-таки накатим? Повод такой. Давай, а?

Женя. Если немного только. У меня сердце. Мне по идее бы не надо.

Артур. Да нормально всё будет.

Женя. А я вот не смог преподавать. Мне с детьми трудно. Мне лучше со взрослыми.

Артур. Ясен пень. Взрослые рубят уже во всём. Им объяснять ничего не надо. Ты седи. На диван приляг. Только не спи. Я сейчас быстро.

Артур выходит из комнаты.

Женя, постояв немного, начинает осматриваться вокруг, подходит к зеркалу, останавливается, держится за левую сторону груди, морищится, закрывает глаза.

Женя. Водка эта.

Он открывает глаза, тяжело дышит.

Женя. Трое суток не спал. Вот и свиделись. Сколько лет мечтал, и такая встреча. До утра бы дотянуть и бегом отсюда. И зачем к Артуру ехать согласился? Маму даже не видел. Надо было хоть к бабе Кате зайти. Она сама сейчас ни жива ни мертва. У меня мешки, наверное, под глазами, хоть картошку в них насыпай.

Женя тянется к ткани на зеркале, сдёргивает её. Застывает от неожиданности. В зеркале отражается обстановка комнаты и человек. Он с точностью копирует Женины движения, но только вместо Жени в зеркале находится Вероника.

Женя с испугом смотрит на неё. Хватается за сердце. Вероника подражает мужчине напротив неё. Отдышавшись, Женя поднимает руку и медленно несёт её к отражению, кладёт руку на поверхность стекла. Ладони Жени и Вероники встречаются.

Женя (тихо). Вероника.

Вероника одними губами синхронно с Женей повторяет своё имя.

Женя. Да нет. Не может быть.

Вероника синхронно повторяет за Женей слова.

Женя. Бесполезно. Теперь бесполезно. Три дня бы назад.

Вероника всё так же повторяет слова. Женя убирает ладонь от поверхности стекла.

Вероника тоже убирает ладонь, проводит ей по своим волосам, улыбается.

Вероника. Небо в крапинку.

Женя. Как твои веснушки.

Вероника. Всё будет хорошо.

Женя закрывает лицо руками.

Вероника. Глупый. Глупый-глупый Женя. А я ждала тебя.

Женя убирает ладони с лица, смеётся искусственным смехом.

Женя. Я все десять лет думал, что ты меня ждёшь. При живом муже. Который не стенка. А он та ещё стенка. Я всегда его боялся. У этих спортсменов пуля в голове.

Вероника. Зато он сильный.

Женя. А я слабый.

Вероника. Зато красивый. У тебя глаза глубокие. Голубые-голубые. В них прямо тонешь. Такое только у поэтов.

Женя. У идиотов.

Вероника. Все девчонки за тобой бегали.

Женя. Не мудрено. Один парень на пять курсов. Я когда поступал, мне говорят: «Там уже один пацан есть». Я спрашиваю: «В моей группе?» А они: «Нет, на потоке».

Вероника. Я из-за тебя на филфак поступила.

Женя. Дурной пример заразителен.

Вероника. А ты уехал.

Женя. Баба Катя тебе, наверное, сказала: «Иди за Женей». Он уже на третий курс перешёл. И ты поступай.

Вероника. Говорила.

Женя. Артур бы на тебе не женился, я бы приехал. Честное слово. А как узнал, что ты замуж вышла, сразу нашёл себе местную стерву – и в загс.

Вероника. Но сейчас ты свободен.

Женя. Как ветер в поле.

Вероника. Пойдём за ветром. Пойдём со мной.

Женя. Я за тобой – куда угодно.

Вероника выходит из зеркала, протягивает руку Жене. Он колеблется, брать её или нет. Не дождавшись решения Жени, девушка проходит к окну, смотрит на снег за стеклом. Женя следует за девушкой.

Вероника. Красиво.

Женя. Здесь высоко?

Вероника. Очень. Больно не будет.

Женя. Страшно.

Вероника (улыбается). Я боялась, что серенький волчок придёт и укусит меня за бочок. Бабушка мне всё детство про волка пела. А я боялась. Она свет выключит, закроет дверь в комнату, а я добегу до двери, щёлочку маленькую открою, чтобы немного света было, и боюсь-боюсь.

Женя. Там холодно.

Вероника. Нет, что ты? Там как здесь. И мы будем вместе.

Женя. Зима за окном. Шпингалет, наверное, заело.

Женя открывает окно. В комнату врываются холодный ветер со снегом. Женя выглядывает в окно, ёжится.

Женя. Машины внизу. Далеко.

Вероника. Они увезут нас в свадебное путешествие.

Женя. На Луну.

Вероника. К звёздам. К небу.

Женя. Я упаду на машину, сомну крышу всмятку, сломаю водительское сидение. Руль пробьёт мне грудь, шея сломается. Из рта польётся кровь, густая, как пена. И сработает сигнализация. На звук прибежит хозяин, увидит меня, скажет: «Вот мудака», а я буду смотреть вверх на звёзды и на небо. А какие звёзды? Снег идёт, ничего не видно.

Вероника пытается обнять Женю. У неё это не получается: невидимая преграда останавливает её руку в сантиметре от талии Жени.

Вероника. Всего один шаг, и мы будем вместе.

Женя оглядывается назад, обводит взглядом комнату, останавливает его на зеркале. Тяжело вздыхает, наступая на подоконник, смотрит вниз из окна.

Женя. Будем вместе.

Вероника застыла в ожидании. Ветер колышет занавески по углам от окна, снег влетает в комнату. Слышно, как далеко на улице кто-то разговаривает, проезжают машины.

Вероника. Артур идёт.

Женя быстро спрыгивает с подоконника, судорожно закрывает створки окна. Вероника отходит в сторону, присаживается на диван за спиной Жени. Артур не замечает Веронику.

Он запинаясь о коньки в проходе, матерится, балансирует с двумя кружками, чтобы не упасть, ловит равновесие и с широкой улыбкой на лице протягивает Жене одну из кружек.

Артур. Вот. Последнее. Прямо выдавил из бутылки.

Женя нерешительно принимает кружку из рук Артура.

Женя. А запить? Или закусить?

Артур. Ты как маленький. Настоящие мужики не закусывают. И уж тем более не запивают. Ну, давай. За дружбу.

Женя. Может, всё-таки не надо?

Артур. Что не надо? За дружбу пить? Заподло что ли?

Женя чокается с Артуром и молча выпивает. Морщится. Артур выпивает содержимое кружки с большим удовольствием.

Артур. Хорошо пошла. А ты молодец. Не уснул. Я думал: выйду, ты сразу скопытишься. А ты огурцом прямо. Ты...

Артур застывает на месте, заметив, что с зеркала снята ткань.

Артур. Ты в своём уме? Ты в курсе, что зеркала закрывают, чтобы покойник себя в них не увидел? Она сейчас, между прочим, среди нас. Она сейчас ходит здесь, смотрит, чем мы тут занимаемся, слушает нас.

Артур подходит к зеркалу, поднимает ткань, собираясь закрыть ей стекло. В зеркале не отражается ничего, кроме обстановки комнаты. Артур этого не замечает.

Артур. А, пофиг. (Бросает ткань. Поворачивается к Жене.) Как я тебя ждал, ты бы знал. Я все эти годы тебя увидеть хотел. Ты же на звонки не отвечаешь, в город не приезжаешь, живёшь как сыр в масле. Скажи честно: ты счастлив?

Женя (пожимает плечами). Более-менее.

Артур. А я вот всё менее и менее. У меня тогда, как спас ты меня, вся жизнь под откос.

Женя. Слушай, Артур, я понимаю, что у тебя горе. Если бы у меня жена умерла, я бы тоже истерил, но не к лицу это. Самоубийством не решить проблему.

Артур. И я так думаю. Ты ведь меня читать научил. Нет, я до тебя азбуку знал. И таблицу умножения. Но, кроме азбуки и трёх букв на заборе, ничего не читал.

Женя. Ты и потом не «Войну и мир» полистывал.

Артур. Правильно. На фиг мне «Война и мир»? Я Чейза, Спиллейна, Дэшила Хэммета уважаю. Вот это писатели. Не то что Толстой. У них конкретно всё. У них справедливость. У них жёстко.

Женя. Меня друзья твои вечно дразнили.

Артур. Они и меня дразнили. Говорят: «Нашёл себе друга, ботаника и задрота». Ты извини, что я дословно.

Женя. А меня вообще они к стенке прижмут – и по животу кулаками.

Артур кидает быстрый взгляд на Женю.

Артур. Я не знал. Почему мне не сказал?

Женя. А что бы это изменило? Морду бы им набил?

Артур. Ну морду не набил бы, но поговорил по-мужски.

Женя. Да ладно. Из-за ботаника с друзьями ссориться.

Артур. Э, ну тут как... Ты мне друг. А они... Они все дёру дали, когда я под лёд пошёл. И Леший, который громче всех орал: «Давайте на речке в хоккей играть». И Поцик, и Шайба. Кенты мои закадычные. Все смылись. А ты спас меня. Сам чуть не утонул.

Женя. Я не мог по-другому.

Артур. Да я бы тоже. А кенты могли. Кентяры мои зашибатые. Шайба в первой лиге сейчас. Поцик тоже при делах. Леший тренером работает. Жаль, водка кончилась.

Женя. Артур, я Веронику только что видел.

Артур (кивает головой). Я тоже. Как живая лежит и будто светится. Прямо поцеловал бы её. Она встала бы, спящая красавица, из гроба и... Как там дальше в сказке?

Женя. Мне иногда кажется, что ты не любил её.

Артур. Крестись, если кажется. Я же тебе сказал. На каком канале работаешь?

Женя. На местном одном. Не важно.

Артур. К матери бы заскочил. Она в доме престарелых. Вы хату её провалили, чтобы тебе залог отдать? За центр мира.

Женя. Завтра зайду.

Артур. Завтра может не быть. Вот не будет никакого завтра. Никогда.

Женя. Будет. Куда оно денется?

Артур. А вот туда и денется. Знаешь, как судьбы рушатся? В один момент. Сегодня ты в первой лиге, а завтра на скамье запасных. А послезавтра ты у негра в темноте и в обиде.

Женя. Сам придумал?

Артур. Сам. Я уман и голован. Я книги читаю.

Женя. Артур, я всегда тебя уважал.

Артур. Верю. До усрачки уважал меня. И кентов моих тоже.

Женя. Они твои кенты, а не мои.

Артур. Да и не мои теперь. Нос воротят. Деловые. А я умный. И всё благодаря тебе и светлому завтра, которое вот-вот наступит. Или не наступит.

Артур берёт ткань возле зеркала. Наматывает её на кулак.

Артур. Я всё время думал, что завтра будет лучше. Как там? Завтра будет лучше, чем вчера. Всё ждал этого завтра, ждал. И не дождался. А потому, что есть только сегодня. И сегодня ты забил гол, а завтра возьмут и тебе забьют. Или ты промахнёшься по воротам.

Женя. Артур, я лучше в гостиницу всё-таки пойду. Я спать хочу. Устал с дороги.

Артур. Сейчас выспишься. Ляжешь вон тут на пол и выспишься до конца жизни. И конец её близок.

Женя. Артур, ты что говоришь?

Артур. Что слышишь, Женя. Что слышишь, то я и говорю. Ты же мне, гнида, всю жизнь испоганил. Всю-всю.

Женя в страхе отступает от друга, лицо его побледнело.

Артур. Я десять лет мечтал с тобой встретиться. Чтобы объяснить, как вы, лохи позорные, портите всю малину нормальным пацанам. Я же посмешищем из-за тебя стал. Все кенты надо мной ржали, что я с ботаном связался. У меня вся карьера под откос. И только из-за тебя. Я ведь раньше в первом составе играл, а меня – во второй, в третий, и за борт.

Женя. Я тут при чём?

Артур. А при том, что белым вороном я из-за тебя стал. В стае чёрных воронов одно такое белое пятно. Книжки читал, с малолеткой-задротом дружил.

Женя. Артур, извини меня. Я пойду.

Артур впритык подходит к Жене, дышит ему в лицо.

Женя. Артур, пожалуйста.

Женя выглядывает через плечо Артура, чтобы увидеть Веронику. Та сидит с невозмутимым видом на диване.

Артур. Что там?

Женя. Вероника.

Артур оборачивается. Как только он обернулся, Женя толкает друга и бросается к выходу из комнаты. Артур едва не падает, бросает взгляд на диван, не замечает на нём никого и кидается вдогонку за Женей.

Артур. Стой, падла!

Женя спотыкается в проходе о коньки, кувырком летит на пол. Артур прыгает на него сверху, вцепляется пальцами в Женину шею.

Артур. Больше не убежишь.
Вероника (Жене). Не сопротивляйся.
Артур. Филолог долбаный.

Артур душил Женю. Филолог пытается разжать пальцы Артура, семенит ногами по полу. Артур смеётся, его лицо налилось кровью, в глазах пляшет пьяное сумасшествие.

Через какое-то время Женя прекращает борьбу, его тело обмякает. Артур разжимает пальцы, слезает с Жени, откидывается на спину, ложится на пол, смотрит в потолок.

Вероника поднимается с дивана, подходит к Жене, наклоняется над ним.

Вероника. Глупый-глупый Женя.

Какое-то время Женя не подаёт признаков жизни, затем с губ его срывается тяжёлый стон.

Вероника. Вот видишь: так примерно я с ним и жила. От вдоха до выдоха.

Женя. Горилла.

Артур. А ты шимпанзе.

Вероника. Хоккей, друзья, родители. Мы каждые выходные у его родителей проводили. С утра до вечера. Я ненавидела их. Особенно свекровь. Она мне говорила: «У нас в доме, когда готовят, моют посуду и полы». Я к ним в гости пришла, есть приготовила и полы мою с посудой. А он сядет с папой у телевизора и спорт смотрит.

Женя. Развелись бы. Зачем терпеть?

Артур. Считаю, что сейчас развелись. Баба с возу – кобыле легче. Похоронил я жёнушку свою ненаглядную. Она терпеть не могла хоккей. И родителей моих тоже. У неё ведь мамы и папы не было. Бабка одна. Откуда она знает, что такое родители?

Женя. Артур, зачем ты мучал её? Ты же её не любил.

Артур. Ну не любил. И что? Ты будто её любил.

Женя. Я любил.

Артур. Знаю я твою любовь. Платоническую. Ты и кошечек, и собачек любишь.

Женя. Люблю.

Артур. А, может, всё-таки, жалеешь? Тебе на жалость надавили, ты нюни и распустил.

Женя. Артур, ты жестокий.

Артур. Я справедливый.

Женя. Ты хоть знаешь, как я к Веронике относился?

Артур. Да уж догадываюсь. Плакал у неё на коленях, сопли растирал.

Женя. Фу.

Артур. Вот тебе и фу. «Войны и мира» начитался. Теперь лечишь всех, какой ты добрый и несчастный.

Женя. Ну уж лучше, чем ты со своими кентами. Они били всех вокруг, мелочь отбирали.

Артур. Мелочь не жалко. На то она и мелочь.

Женя. Ты меня слушать будешь? Я про Веронику, между прочим, говорил. Или теперь всё уже? Похоронил – горилле легче.

Артур (стискивая зубы). Рассказывай.

Женя. Она ногу сломала. Из дома выйти не могла на костылях. Меня баба Катя попросила с ней гулять. Я только в вуз тогда поступил. После пар приходил и Веронику выгуливал. На руках её во двор выносил.

Артур. Ты – и на руках?

Женя. Ну почти. Выносил её во двор, и мы на лавочке сидели. А осень была, деревья жёлтые, красивые. А Вероника жалкая, нога загипсована, нос в веснушках. Она их стесняется. Маленькая, пятнадцать лет ей было. И я для неё стихи написал. Не бог весть какие – первое, что в голову пришло. Я написал о том, что всё будет хорошо, что стесняться ей нечего. Нога заживёт, весна когда-нибудь придёт. Я не помню точные слова.

Артур. А я для неё матч выиграл.

Вероника. Я ненавидела стадионы и толпы этих придурков. Одни придурки мяч по полю гоняют, другие орут как сумасшедшие.

Женя. Цветы ей дарил?

Артур. Было пару раз.

Артур поднимается, подходит к Жене. Веронику он не замечает. Подает Жене руку.

Артур. Вставай. Простудишься. Полы холодные.

Женя, колеблясь, принимает помощь Артура. Морщась, поднимается.

Артур. Сильно я тебя?

Женя. Более-менее.

Артур (опускается на стул). Нервы сдают. Хотел затащить тебя в квартиру и убить. Не могу.

Женя. И на том спасибо. Вызови такси. Я в гостиницу.

Артур. Спи здесь. Я тебя больше не трону.

Женя. Не в этом дело. Мне Вероника везде чудится. Будто разговаривает со мной.

Артур. Глючит с тоски? А мне шайбы по ночам снятся. И трибуны офигенские. Я забиваю гол, трибуны встают и скандируют: «Передрягин! Передрягин!» Фиг тебе, а не трибуны.

Женя. Ты меня специально мучаешь?

Артур. Сядь на стул.

Женя садится.

Артур. Ты говоришь: я по миру катаюсь. Фиг я куда катаюсь. Я за цех свой играю. Отбельный против сушильного. Сушильный против варочного. На заводе токарем пашу. И от завода в хоккей играю. Вот так.

Женя. Извини. Я думал, ты прорвался.

Артур. Фигушки. Лучше, конечно, чем батя. У того клюшка треснула неудачненько, и он навернулся так, что мениск порвал. Так что хоть так – и то хорошо.

Женя. А с Вероникой вы как познакомились? В смысле, поженились?

Артур. Ну как оно бывает? Привёл в загс, надел кольцо, положил в постель.

Женя. Артур, я серьёзно.

Артур. Так и я тоже. (Молчит.) Бухал с мужиками с завода. И один говорит: «Пойдём на хату к кенту моему. Что на улице жопу морозить?» А кентом Овощ оказался. Тот, с которым Ника в вузе встречалась. На втором курсе с ним познакомилась, а через полгода его в армию призвали. Год его Ника с армии прождала. Ты укатил в Питер как раз, и Овощ вернулся. Гондон такой, если честно. Он и до армии гондоном был, а после неё вообще огондонился. Ну Овощ – что ещё сказать? Они там поругались – из-за тебя, кстати, – и разошлись.

Женя. Почему из-за меня?

Артур. А вот такой ты модный. Всем дорогу переходишь. В общем, пробил я у Овоща, где Ника работает. Цветов купил и двинул в библиотеку за книжками. Она в читальном зале трудилась. Наговорил ей что-то, очаровал. Ну в момент расписались. Практически сразу.

Женя. Ты молодец.

Артур. А то. Только неудачник. И пьяница.

Женя. Ты наговариваешь на себя.

Артур. Нет. Я понимаю, как птицу удачи за хвост ловить. А я павлина за хвост поймал. Перья ему из жопы выдрал и стою как дурак с ними.

Женя. Не вини себя.

Артур. Так я себя и не виню. Я тебя виню. Говорю: ты во всём виноват. Тренер так и сказал: «Иди читай свои книжки, раз такой умный». Я ведь и на Нике женился только, чтобы тебе отомстить. Меня как из команды попёрли, я только об этом и думал. А тебя нет. Ты урвал в Питер и доволен. Балдеешь, на ТВ работаешь, со звёздами на полфёдора. Мне Овощ о вас с Никой всё рассказал. Я в курсе был. Ника, правда, пострадала зря. Хотя тоже как пострадала? С нормальным мужиком жила. Не с задротом. Другое дело, что я издевался над ней. Нет, ты не думай: кулаки я при себе держал. Я и к родичам специально её каждые выходные таскал, чтобы насолить ей. Знал, что мамка моя Нику терпеть не может. И коньки здесь в проходе специально кинул, чтобы запинаясь. И убирать их запрещал. И спортивный канал с батеи смотрели, чтобы она позлилась. Я всё ждал, что ты к ней приедешь и я тебя завалю. Друга единственного. А вот не могу. Потому что друзей-то у меня больше нет.

Женя с трудом переваривает услышанное. Поднимается со стула. Как сомнамбула передвигается по комнате. За ним следует Вероника.

Вероника. Один шаг всего.

Женя. Артур, так подло.

Артур. Беспотовенько, согласен.

Женя. Я ведь в Питер из-за Веронички уехал.

Вероника. Ты выбрал свой Питер вместо меня.

Женя. Ну почему вместо тебя? Откуда я мог знать?

Артур. Что вместо меня? Ты вместо меня хотел? Ну давай. Встань на моё место.

Женя. Да нет. При чём тут твоё место? Хотя ну да. Твоё. Но не твоё, оно моё должно быть.

Артур. Ну давай. Последнее заведи у меня, если вывезешь.

Женя. Нечего уже забирать. Да и вообще, что забирать? Она сделала свой выбор.

Артур. Какой выбор? Она болела и умерла.

Вероника. Всё будет хорошо. Потому что по-другому быть не может.

Женя. Артур, я никому раньше не говорил: я же влюбился в неё, как...

Вероника. Потому что по-другому не бывает.

Женя. Ну не сразу. А так, со временем. Я когда узнал, что она Артёма из армии ждёт, солнце для меня погасло. Я в истерике бился, но...

Артур. Подвижным надо быть, Женя. Муж не стенка, парень – тем более.

Женя. Боже ты мой, как глупо.

Артур. Ты присядь.

Женя опускается на стул, снова встаёт, садится.

Вероника. Потому что самое страшное – это волчок из детской считалочки.

Женя (кивает головой). Верно – самое страшное – волчок из считалочки.

Артур. Какой, на фиг, волчок?

Женя (поднимается со стула). Волчок – самое страшное. То есть ничего не страшно.

Женя идёт к зеркалу. Смотрит в него. Ничего, кроме комнаты, в зеркале не отражается.

Женя. Отражения нет.

Артур. Отойди от зеркала. Его закрыть надо. Хотя я не знаю. После похорон можно открывать? Ты не в курсе?

Женя вяло пожимает плечами.

Женя. Как будто в пустоте. Ничего не видно.

Артур. Давай всё-таки занавесим его.

Вероника (Жене). Один шаг. Туда или сюда.

Артур оглядывается в поисках ткани. Она лежит на полу. Прямо рядом с туфлей Вероники. Артур подходит вплотную к бывшей жене, наклоняется к ткани, поднимает её. Для Артура Вероники не существует.

Артур. Отойди. Я закрою всё-таки. Я суеверный. И крещённый.

Женя разглядывает зеркало так, будто что-то в нём видит.

Женя. А в зеркале Вероничка.

Вероника становится за спиной Жени.

Вероника (шепчет Жене в ухо). Я дождалась тебя. Всего лишь шаг.

Артур. Женья, отойди. Юмор у тебя дурацкий. Я домовых боюсь, а ты мне про покойников. Я раз с квартиры переезжал. Сплю, а меня кто-то за ногу дёрнет и так: «Артур!» Прямо дёргает и: «Артур!» Я спросил там у одних, что за фигня. А мне говорят: «Это домовой у вас. Бойтесь, что вы съедете, а его здесь оставите». Вы, говорят, когда будете переезжать тапки пустые – блин, а какие они могут быть? не с ногами же? – у двери поставьте, и он в тапки прыгнет. Только скажете: «Полезай в тапки, переезжаем». Я так и сделал. Тапки поставил у двери, сказал, что надо. И мы переехали. И в первую ночь на новой хате, представь, такой грохот на кухне – бабах, бабах. Сковородки, кастрюли стучат. Мне сказали: домовые буянят. Это, видимо, старые хозяева съезжали и домового в хате забыли. Вот он с моим и кентовался.

Артур подошёл к зеркалу, приготовился закрыть его тканью. Женья, всё это время разглядывавший пустоту перед собой, заметив Артура, кидается на него. Бьёт со всей силы кулаком, но промахивается и попадает в зеркало.

С громким треском оно распадается на части. Осколки летят под ноги парням. Артур отскакивает в сторону, ткань выскользывает из его рук.

Артур. Офигел вообще!? Идиот. Не был бы другом, прибил бы на фиг. Что творишь? А если она здесь? Она же обратно теперь не вернётся. А, блин, филолог долбаный.

Женья разглядывает свою руку. Она в крови. Кровь тонкой струйкой стекает с запястья по ладони, капает с пальцев.

Вероника (Жене). Попробуй. Ударь его ещё раз.

Женья. Зачем?

Артур. А вот это и мне интересно знать – зачем ты зеркала бьёшь. У меня и аптечки нет. На вот. (Артур поднимает ткань с пола.) Повяжи. Я сейчас скорую вызову. Давай. (Артур накрывает кровавую руку Жени тканью.)

Вероника. Я прошу.

Женья (Артуру). Если бы ты на Вероничке не женился, я бы всё-всё бросил и приехал. Я только её любил. Всю жизнь. Только её.

Вероника. Ну почему ты раньше-то молчал?

Артур. Ну и бросил бы. Приехал бы, я тебе голову и открутил бы.

Женья. А кому что было говорить? Ты вечно то за одного замуж выходишь, то за другого?

Артур. Причём тут это? Ну блидовал я. И что? И не замуж. Замуж девки выходят. Мужики женятся. У тебя с логикой проблемы. Перепил что ли?

Женья. Меня, между прочим, на похороны, не отпускали. Сказали, если уеду, меня с работы уволят. Спецзаказ надо срочно делать. Деньги уже взяли за него. Я сказал: «Увольняйте». И меня уволили. Не обманули. И штраф на меня повесили. И кредит мне платить теперь нечем.

Артур. Ты заплачь ещё. Позвал тебя на свою голову. Десять лет не видел, столько бы ещё.

Женья. Всё будет хорошо.

Артур. Заткнись.

Женя. Самое страшное – волчок.
Артур (идёт к телефону). Как там? Ноль три.
Вероника (Жене). Сделай хоть что-нибудь.

Женя пьяными шагами следует за Артуром, догоняет его у стола, скрюченными пальцами левой руки вцепляется ему в плечо, тянет пальцы к шее.

Артур. Да что с тобой?
Женя (хлопая носом). Всё будет хорошо.

Вероника одними губами повторяет слова за Женей.

Вероника (Жене). Иди ко мне. Один шаг.
Артур. Придурок.

Артур сильным движением отбрасывает Женю в сторону. Тот валится на пол. Артур наклоняется к нему и даёт другу увесистую пощёчину.

Артур. В себя приди, идиот.
Вероника (Жене). Оскорби, обзови, плюнь в него!
Женя (Артуру). Я тебя ненавижу. Ты мне жизнь угробил. Я из-за тебя к ней не приехал. Я хотел. А ты, ты... гомосек.
Артур (гневно). Что? За базаром-то следи.
Женя. Да, ты педик. И кенты поэтому с тобой общаться не стали.

Артур надвигается на Женю. Тот снизу вверх затравленно смотрит на спортсмена.

Артур. Нет, кенты меня бросили по другой теме. Совсем по другой. Я тебя от них защищал. И так получилось, что сам попал в задроты. А иначе бы тебя кулаками не по животу, а по башке били.
Женя (через силу). Гнида.

Артур долго всматривается в друга.

Артур. Ну тебя на фиг. Руки об тебя марасть.

*Он идёт к телефону. Женя, до сих пор прижимавший правую руку к груди, откидывает в сторону ткань, прикладывает окровавленную руку к сердцу. Медленно скручивается в калачик.
Артур оглядывается на него.*

Артур. Э, ты чего?
Женя. Сердце. Трое суток не спал.
Артур. Ты давай, не умирай. Сейчас скорую вызову. Сейчас.

Артур поднимает трубку стационарного телефона, нервно крутит шнур у трубки.

Артур. Э, да что за фигня? Когда надо, ничего не работает. Блин. (Бросает трубку.) А сотовый фиг знает где. У тебя сотик далеко?

Артур оборачивается к Жене. Видит, что тот скрючился на полу, истекая кровью. Артур кидается на помощь к другу.

Артур. Э, кончай шутить.

Артур уверенным движением поворачивает Женю на спину, растёгивает поясной ремень и рубашку.

Артур (с отвращением). А-а-а.

Делает Жене вдох искусственного дыхания и давит на грудную клетку. Приступает к непрямому массажу сердца.

Артур. Давай. Давай.

Вероника обходит кругами Артура с Женей. Пока её бывший муж оказывает другу первую медицинскую помощь, Вероника читает стихи.

Вероника. Небо в крапинку, как твои веснушки. Всё будет хорошо. Потому что по-другому быть не может. Потому что по-другому не бывает. Потому что всё самое страшное – это волчок из детской считалочки. Потому что после дождика светит солнце. И дождик тоже не страшный. И вообще в этом мире важнее всего – твои веснушки. А всё остальное только отражается в них. И только поэтому мы все, все-все, будем счастливы.

Артур прекращает реанимацию.

Артур. А, фиг с тобой.

Он вытирает губы рукой, поднимается. Шатаясь, плетётся к дивану, валится на него. Откидывается на спину, закрывает глаза. Сидит какое-то время в тишине. Открывает глаза, встречается взглядом с Вероникой.

Артур. Эй, филолог, если хочешь знать, она ждала тебя. И стихи твои дурацкие наизусть знала. Один раз услышала – и запомнила. Умирала уже, я за руку её держу, а она мне стихи твои читает. С Овощем назло тебе сошлась. Надеялась, ты приревнуешь. И со мной тоже. Это она мне сказала. Самые последние слова её. А я подумал: «Ну вот, никого у меня нет. Ни друзей, ни врагов. Жена и та умирает и о тебе думает».

Вероника подходит к разбитому зеркалу. Осторожно прикасается к осколку на его краю. В комнате наступила тишина. Слышно, как за окном метёт вьюга. И снег, кажется, идёт так громко.

Женя (еле-еле шевелится на полу). Артур. Артур.
Артур. Ну что ещё?

Женя. Артур. Я тогда не спасал тебя. На речке. Я от пацанов убегал. Они меня избить хотели. Я случайно на лёд выскочил. А там вы. И лёд треснул. Твои друзья побежали к берегу, а я к берегу испугался. Меня же там ловили. И побежал к тебе. Ну и так получилось. Просто руку тебе подал.

Артур поднимается с дивана. Вновь встречается глазами с Вероникой, протягивает ей руку.

Артур (Веронике). Пошли.

Вероника подаёт Артуру свою маленькую ладонь, и, взявшись за руки, Артур с Вероникой делают шаг в сторону разбитого зеркала. Исчезают в нём. А за окном идёт снег, свистит ветер, ездят машины, разговаривают люди. Им нет дела до человека на полу одинокой комнаты.

19.03.2014